

Критическое набросок.

ПЬЕСЫ АН. ЧЕХОВА.

I.

Въ журналахъ пусто! Подобно внезапно наступившей тропической жарѣ, на свойственной апрѣлю мѣсяцу и позеленѣвшей всѣ сады, садики и отдѣльныя деревья столицы,—и сборники серьезной беллетристики дружно перешли на лѣтнее положеніе и еле шевелятъ наши мысли и вниманіе то окончаніемъ того, что было напрасно начато, то мало интереснымъ продолженіемъ романовъ, вообще не интересныхъ, то повѣстками и разсказами, не нанесшими себѣ даже мгновеннаго помѣщенія на столбцахъ гостеприимныхъ газетъ. Со своей стороны и эти послѣдніе, соперничая съ мухами, которые еще не явились украсить счастье и удобства жаркой весны, начали душить читателя, изнемогающаго отъ жары, безконечными произведеніями по силѣ слова «Продолженіе слѣдуетъ» и еще болѣе безконечными по достоинству заключающейся въ нихъ чистой воды. Ахъ, если бы этой чистой водой хоть бы напиться было можно, а то и жара стоитъ, и пить нечего!

И такъ текущихъ литературныхъ интересовъ вовсе нѣтъ, и потому приходится обращаться къ старому и говорить не о томъ, что есть, а о томъ, что было. Впрочемъ виноваты, въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» есть небольшая повѣсть Ил. Тиханова—«Начало конца». Содержаніе ея составляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, пересказъ ссоры Стивы Обломского съ женой Долли изъ «Анны Карениной», пересказъ прекрасный, однако уступающій во многомъ подлиннику: тѣмъ во мѣстѣ въ мѣстѣ есть чрезвычайно остроумныя и оригинальныя сравненія, заключающія разговоръ оскорбленной жены съ теткой—старой дѣвой, на счетъ вообще несовѣстности мужчинамъ быть въ любви тиранами. Разговоръ иллюстрируется прикѣпками на любимомъ тирани дѣвочки Абрикосъ и вообще эта здравая философія старой тетки, которая, какъ дѣвца, страстно любитъ говорить о любви и ненависти, ея гадости, дѣлаетъ повѣсть г. Ил. Тиханова замѣтнымъ произведеніемъ среди Аравійской пустыни современной беллетристики. Когда дневной жаръ спадаетъ, можно ее съ удовольствіемъ почитать, и ничего она не напоминаетъ вамъ своимъ жужжаніемъ—ни комара, ни мухи. Но сдѣлавъ такую оговорку въ интересахъ строгой справедливости, все же обратимся къ прошедшему и остановимся на пьесахъ Ан. Чехова, только что вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, и, если судить по объему книжки, продающихся немнѣе дорого сравнительно съ другими произведеніями того же автора.

Не знаю, какъ для кого, но для меня драмы этого автора представляются большими и очень цѣннымъ вкладомъ въ нашу крашечную драматургію вообще. Малые его пьески, веселыя, остроумныя шаржи, почти карикатуры, искренняго нравятся публикѣ, прежде всего потому, что хороши и понятны по замыслу, и еще болѣе нравятся веселымъ сценическимъ

талантамъ, потому что всѣ оны дѣлаютъ выигранный роли. Вотъ почему безусловный сценическій успѣхъ такихъ пьесъ пустяковъ, какъ «Медвѣдь» или «Положеніе», представляется вполне и по праву заслуженнымъ. Но рядомъ съ этими пустяками, шаржами и карикатурами у А. П. Чехова есть три драмы, изъ которыхъ одна, по моему мнѣнію, имѣетъ полное право стать рядомъ съ самыми прославленными произведеніями старыхъ мастеровъ, по мысли своей и по выполненію, а другія двѣ, конечно, слабѣе, но также очень интересны какъ своими фабулами, такъ и экспозиціей сценическихъ положеній и дѣйствій. Само собою разумѣется, именно потому, что это такъ,—пьесы эти на сценѣхъ успѣха не имѣли, или имѣли его въ степени гораздо болѣе слабой, нежели оны, какъ художественныя произведенія, заслуживаютъ. Пьесы эти съ глубокой и тонкой психологіей требуютъ совѣтъ иной публики, чѣмъ та, которая посѣщаетъ театры, и потому, по-екольку оны терпятъ въ грубыхъ штрихахъ декоративной сцены, постольку же выигрываютъ въ чтеніи, когда и авторъ, и читатель остаются съ глазу на глазъ и когда тонкости пониманія не мѣшаютъ ни слабости слуха или зрѣнія, ни незолитивное безпокойство и непониманіе соудей по мѣсту въ театрѣ, ни, наконецъ, туповатая рутинная грубая болѣею частью актера, исполнителя такихъ тонкихъ созданій и психическихъ концепцій, съ которыми современный полуобразованный актеръ никогда справиться не можетъ. Последнее произведеніе г. Чехова въ такомъ родѣ «Чайка» какъ извѣстность, провалилась: можно сказать, съ трескомъ. Читая эту пьесу, вполне становится понятнымъ, до чего она должна была показаться скучной и мало интересной большой публикѣ. Прибѣгая къ куливарной аналогіи, каю сказать, что произведенія, вродѣ «Чайки»—прекрасный острый рокофоръ, качество котораго совершенно неочевидно толпѣ. На притупленный всякими деликатессами вкуса гастронома рокофоръ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, но у голоднаго оны можетъ вызвать даже тошноту и искреннее отвращеніе. Вотъ почему та же «Чайка», столь странная на сценѣ, производитъ чарующее, искреннее и трогательное впечатлѣніе при чтеніи. Здѣсь всѣ страдаютъ, страдаютъ глубокимъ неудовлетвореніемъ чувства и желаній, всѣ стараются найи средства, анестезирующія сердечную боль и тягостное чувство острой неудовлетворенности, но болѣею частью, только еще болѣе раздражать себя, мало-по-малу обезцвѣтивъ всю свою жизнь и подходя къ роковому концу малоудачнаго литератора Константина Тенлева и любимой имъ дѣвушки Нины Зарѣчной. Оба гибнутъ жалко и, пожалуй, страшно, совсѣмъ роковымъ образомъ, рѣшительно ничѣмъ не хуже, чѣмъ гибли герои древнихъ трагедій, но не такъ эффектно и, конечно, не такъ для большой толпы поучительно. Въ этой пьесѣ переходъ вами проходитъ трогательнѣйшая фигура учителя, кроткаго, не хватающаго звѣздъ съ неба, тяжело несущаго на себѣ свою сѣренькую безпросвѣтную жизнь и страдающаго такъ

...ому эти святые
...показались и
...А между тем
...Потомъ черед
нами такой Мелитенко, съ какими-то
громкими раскатами, глгоно сплетаю-
щимися у него съ любовью къ дѣвушкамъ,
которая, между прочимъ, в водку пьетъ, и
табакъ нюхаетъ, и въ сына госпожи своей
влюблена, — а уходить изъ поля зрѣнія
зрителя въ бурю, дѣлкомъ, за шесть
верстъ отъ теста, не дающего ему лоша-
ди, дождя, потому что тамъ лежить безъ
помощи третій день его ребенокъ, не-
любимый своей матерью. Все это сущіе
пустяки, неинтересныя подробности не-
интересной жизни, а между тѣмъ, попро-
буйте-ка этотъ жизненный неинтересъ
вынести на себѣ отъ колыбели и до мо-
гилы и попытайтесь еще разъ измѣрить
тяжесть этого вѣчного безпросвѣтнаго по-
двигъ и силу любви маленькаго, но бла-
городнаго сердца незамѣтнаго и неваж-
наго человѣка! Вотъ болѣе интересный
Томлевъ дважды стрѣляется, а Маша жи-
ветъ съ постылими мужемъ, нюхаетъ та-
бакъ, мужъ же ея, зная и понимая все
страданіе жены, которую онъ боготво-
ритъ и которая его ненавидитъ, молча в
тихо несетъ на себѣ всю тяжесть беско-
нечныхъ и ничѣмъ невозвращаемыхъ
обязанностей. Однако, какъ бы то ни
было, «Чайка», какъ сценическое прозвѣ-
щеніе, долго, очень еще долго не дож-
дется для себя благосклонной публики.
Въ этой пьесѣ, конечно, самая большая
ошибка лежитъ въ томъ, что любовь
восторженной Нины къ дрянненькому
Тригорину, живущему на содержаніи у
дрянной актрисы, совсѣмъ ничѣмъ не мо-
тивирована.

Это буквально что-то роковое, но для
подобнаго рока, именно въ условіяхъ
требованій Нины, нѣтъ никакихъ дан-
ныхъ. Въ послѣднихъ условіяхъ офицеръ
съ роковымъ взглядомъ былъ бы и въ
жизни, и на сценѣ гораздо болѣе уместа,
и безконечно болѣе естественно, чѣмъ ка-
кой-то знаменитый литераторъ, живущій
на средства актрисы. Дѣвушками, подоб-
ными этой чайкѣ, если вѣѣшность и не
нужна, то прежде всего необходима на-
люзія. Между тѣмъ Тригоринъ, по вѣѣш-
ности и своей нравственной дряблости и
простотѣ, въ этомъ отношеніи право хуже
учителя Медвѣденко. Вотъ почему глав-
нымъ образомъ этой пьесѣ не видать
сценическаго успѣха, даже у толпы,
вдесѣтеръ болѣе интеллигентной, чѣмъ та,
которая вообще собирается въ большіе
театры по билетамъ. Между тѣмъ послѣд-
нее дѣйствіе этой пьесы вышесаво чрез-
вычайно оригинально, и закончена драма
въ полномъ смыслѣ слова мастерски въ
томъ отношеніи, что зритель получаетъ
внезапный ударъ палкой по головѣ въ
тотъ моментъ, когда онъ этого совершенно
не ожидаетъ. Такъ что, если въ самомъ
зрительномъ залѣ онъ не поймать пьесы,
то, уходя оттуда смелованнымъ концертомъ,
онъ можетъ многое и многое продумать у
себя дома, на свободѣ, а такіе думы не
всегда только кѣшаніи снятъ, но очень
часто кѣшаніи и прямо полезны.

II.

Лучшая драма Ан. П. Чехова, носи-
щая, впрочемъ, крайне неудачное загла-

віе «Ивановъ» представляетъ самую
вѣѣшную о сценичности, да и во сценич-
еской. Но и нѣмалъ страдатель-
нашего времени. Но почему, этотъ «Ива-
новъ» единъ способенъ дать бессмер-
тіе Чехову въ исторіи русской литерату-
ры. На первыхъ представленіяхъ пьесы
когда залъ наполняли богатыми интелли-
гентами, пьеса эта имѣла превосходный
успѣхъ, и если аплодисментовъ было ма-
ло, за то волненія, споры въ фойѣ было
болѣе, чѣмъ нужно. Такое дѣйствіе мо-
жетъ производить только вещь изъ ряда
вонъ выходящая. «Ивановъ» — первое про-
изведеніе г. Чехова въ драматической
формѣ, и въ немъ какъ оно было напе-
сано первоначально, были многіе сцени-
ческіе промахи и недостатки. Но послѣ
совѣтовъ А. С. Суворина, тогда еще не
драматурга, а превосходнѣйшаго знатока
сцены и критика драматическихъ произ-
веденій, эта пьеса и въ сценическомъ
отношеніи является почти безупречною.
Третій актъ написанъ прямо съ са-
лоу Шекспира потому правильному, без-
поощадному и роковому накапливанію
жестокихъ впечатлѣній на дѣйствующее
лицо и смотрящую на него публику, впе-
чатлѣній, ведущихъ къ неизбежной и
страшной въ нравственномъ смыслѣ ка-
тастрофѣ, которая дѣлаетъ всю великую
драму нашего времени такой правдивой
и поучительной. Тороплюсь сейчасъ же
забыть, что нашего автора очевидно
мучаетъ образъ какой-то идеальной, про-
стой, примодушной и честно любящей
дѣвушки, который, не воплотившись по-
ка еще въ реальную и правдивую фи-
гуру, является портить его лучшие замы-
слы. Такою дѣвушкой въ «Ивановѣ» яв-
ляется Саша Лебедева, въ «Чайкѣ» — Нина,
въ «Дядѣ Ванѣ» — Соня. Даже Маша изъ
«Чайки», нюхающая для чего-то табакъ, в
та заражена этой немощью нашего пре-
восходнаго драматурга. И вотъ, когда за-
мыселъ художника на находитъ красокъ
для своего воплощенія, онъ неминуемо
портитъ общій строй правдиваго изобра-
женія. Лучшая изъ такихъ потугъ — ко-
нечно, Соня въ «Дядѣ Ванѣ»: тутъ образъ
получается удивительно чистымъ и тро-
гательнымъ, хотя любовь этой Соня къ
доктору все же еще недостаточно обос-
нована. Хуже всѣхъ это — Шурочка въ «Ива-
новѣ»; и любовь ея къ этой развалинѣ,
конечно, мотивирована еще менѣе и еще
болѣе неестественно, чѣмъ любовь Нины
къ разгнѣдану Тригорину. Но вотъ, если
попырится съ этой любовью взаимно-
ной дѣвушки, выросшей въ ужасающемъ
домѣ Лебедевыхъ, при безхарактерномъ
пьяницѣ-отцѣ и подъ руководствомъ Гар-
пагона въ юбкѣ, его супруги, то вся
исторія получаетъ въ высшей степени
правдивое и глубокое значеніе. Исторія
Иванова, это — исторія многихъ и многихъ
героевъ нашего времени, или, вѣрнѣе,
времени назадъ тому двадцать — трид-
цать лѣтъ. Всего общѣе будеть сна-
зать, что исторія Иванова есть впол-
нѣ естественное продолженіе исторіи
тургеневскаго Рудина или даже (съ мно-
гими оговорками) и гончаровскаго Рай-
сваго. Тѣ труслили передъ продолжительно-
стью подобныхъ матримоніальныхъ под-
виговъ, а Ивановы — или же анъ логонъ
— напротивъ, храбро и дерзко воевали со-

бы страсти, тешась на плечи и о
улыбки, как бы не было бы, не смелу и ха-
рактеру, силе, сегодня молодая и
увлеченная, стала умножаться, а тяжесть
становилась для нее для тяжести, не-
жду тѣмъ увлеченіе красотой подвиги па-
дало въ прогрессивной геометрической, и съ
каждымъ днемъ на собственномъ судѣ
героя въ промедленіи превращалось въ
глупость сегодняшнего дурака. При этомъ
все оставалось тѣмъ же самымъ: и взгля-
ды на вещи, и понятія этико-политиче-
ския, и даже готовность къ новымъ жерт-
вамъ,—все, все сохранилось, и никто сво-
имъ основнымъ убѣжденіемъ не измѣ-
нилъ, а только фанатическія силы надали,
в самый подвигъ выступали на осужде-
ніе всего болѣе со стороны своей пол-
нѣйшей ненадобности и бессмыслия. О,
господа, пустите себя, или тѣмъ болѣе вра-
гу, пулю въ лобъ, выпрыгнуть изъ окна,
выпить на доконникъ нѣтаго этажа,
подражая Дорохову, бутылку ковынка, на-
писать на начальника памфлетъ, всту-
пить, наковецъ, въ заговоръ, все это—пу-
стакки, сравнительно съ рѣшимостью за-
ключать незалежь, съ безуміемъ бро-
сать вызовъ предразсудкамъ и главное,
оцѣну жизни, уже потому только, что всѣ
первые подвиги скоропреходящи, тре-
буютъ мнуги опыта и въ концѣ-
концовъ ни къ чему насъ не обязы-
ваютъ.

Напротивъ подвиги, которые совершают-
ся цѣлой всей жизни, устранила бы на-
храбрѣйшихъ изъ насъ, если бы совер-
шающіе ихъ ясно представляли себѣ вы-
текающія изъ нихъ послѣдствія. И вотъ
эти то роковыя, неизбежныя послѣдствія
во многихъ формахъ и показаны въ дра-
мѣ г. Чехова.

Самъ главный герой, Ивановъ говоритъ
о тщетѣ и безконечной трудности своего
жизненного подвига прямо. Лебедевъ,
женатый на Гарпагонѣ въ юбкѣ, пьетъ
мертвую, Саша—сама собирается связать
себя съ полутрупомъ, въ послѣдній мо-
ментъ сомнѣвается и страдаетъ, а глупый
Львовъ со своей бессмысленной чест-
стью невозможно поднимаетъ масла плавлен-
наго на открытыя раны страдальцевъ и
приводитъ всю драму къ роковому смер-
тельному ея концу. Рядомъ съ этимъ не-
сущившимся, обѣдѣвшимъ графъ, въ тай-
нѣ сокрушался о смерти любимой жены,
также мучаетъ и себя, и всѣхъ и также
собирается для поправленія обстоятель-
ствъ женить на собственномъ «бикнѣ», съ
лица похожемъ на прачку. Въ страшной
сценѣ, когда порядочный, добрый, умный,
воспитанный Ивановъ, притомъ несомнѣн-
но любившій Сарру настолько, чтобы по-
бороть всѣ предразсудки и жениться на
ней, бросаетъ ей послѣ цѣлаго дня
оскорбленій, досадъ и терзаній вся-
каго рода, горькія слова: «замолчи,
жидовка—ты умрешь, ты скоро ум-
решь!»—лучше всего и проще всего объ-
ясняется какъ вся непреодолимая тя-
жесть таинствъ подвиги и вся невоз-
можность представить ихъ къ учету на
рынкѣ презрѣнныхъ добродѣтелей. Сѣсть
и людъ не вынести подобныхъ жертвъ,
не прощати ихъ никому и съ необъяс-
нимой необходимостью встать за нихъ, сами
отъ этого жить не страдая, на всѣхъ
ступеняхъ общества и во всѣхъ его ран-

гахъ и положеніяхъ. Въ «Ивановѣ» г. Че-
хова художника видно, что стоило выйти
старого романтизма и сентиментальнаго
романа. Онъ показываетъ намъ страда-
нія Вертера, женатаго на Шарлоттѣ, а мы
вѣримъ, что эти страданія хуже тѣхъ, ко-
торыя привели гетевского героя къ
тому же роковому концу. Такъ герои
завоевывали себѣ счастье, борась про-
тивъ тѣмъ предразсудковъ, но предраз-
судковъ только по названію, а не дѣй-
ствовавшихъ,—напротивъ, здѣсь мы ви-
димъ тѣ же поправные, но не побѣжденные
предразсудки дѣйствующими и истители
во оживающихъ подъ нашими узавыми
и голыми латами. Въ этой новой ста-
діи развитія, безконечной исторіи любви
мужчины и женщины въ формахъ легаль-
ныхъ и полулегальныхъ, подводятся вѣр-
ные итоги стоимости подобнаго рода
борьбы и окончательные ея результаты.
Три четверти общаго числа драмъ на-
шего времени, — именно эти самыя
ивановскія драмы. Многія изъ нихъ мы
видѣли въ залахъ уголовного суда, а
еще большее ихъ число сокрыто подъ
землею кладбищъ не зарегистрированными
человѣческими слѣдами правосудіемъ.
Сколько здѣсь погубило Сарры, сколько
Сашеньекъ и сколько Ивановыхъ кончили
свое земное странствованіе насильствен-
но, и притомъ съ совершенно разбитымъ
сердцемъ! Вотъ почему драму г. Чехова
я ставлю въ числѣ современныхъ дра-
матическихъ произведеній, безусловно, на
первое мѣсто. Независимо отъ ея глубо-
каго и притомъ строго современнаго
смысла, она и написана съ мастерствомъ
изумительнымъ. Нѣсколько растянутымъ
и произвольнымъ кажется четвертый актъ,
гдѣ авторъ все еще не кончаетъ экспози-
ціи своихъ оригинальныхъ характе-
ровъ. Тутъ много лишняго реченья, хотя
нѣтъ ни одной плохой въ смыслѣ рисо-
вки, и кромѣ того третій актъ такъ совер-
шенъ по своему плану и цѣлямъ, что
четвертому и нельзя было не опуститься
сравнительно съ этимъ актомъ. Въ сущ-
ности говоря, жертвуя дорисовкой такого
также современнаго характера, какъ и
здѣсь является честная туница—Львовъ,
этими чудными актомъ вполне можно
было бы съ успѣхомъ закончить всю
пьесу. Убій безсердечно и безъ жало-
сти ту самую женщину, ради которой
была проиграна вся прожитая Ива-
новымъ жизнь, самъ Ивановъ, конечно,
уже жить не можетъ, и особенно не мо-
жетъ въ цѣляхъ художественной правды
всего произведенія. Словами: «замолчи
жидовка, ты умрешь!» этотъ нѣжно чув-
ствующій и вообще хорошій, но разда-
вленный челоуѣкъ убиваетъ не только
жену, но и себя. Остальное дѣло време-
ни,—пока будутъ исполнены всѣ фор-
мальности и приговоръ будетъ приведенъ
въ исполненіе. Не помоги туница Львовъ,
пожалуй состоялась бы и свадьба Ива-
нова и Сашеньки, и та же канитель по-
тонула бы еще дольше, но здѣсь, ко-
нечно роль жертвы выпала бы на долю
Иванова, а роль самоубійнаго героя
на Сашеньку. Въ концѣ-концовъ вышло
бы то же самое, именно потому, что здѣсь
работаютъ и проявляются не случайныя
силы, зависящія отъ силы характера или
отъ общей культурности людей, ни имен-
но тѣ роковыя, какъ физикъ говоритъ,

миллиарды сил, побороть патнекъ
вытереть не въ силахъ никаки на-
прочіѣныя матеріи на землѣ.

Кромѣ общей идеи, положенной въ
основаніе этой замѣчательной драмы,
всѣ дѣйствующіе лица, главные и вво-
димыя, представляютъ превосходнѣйшіе и
оригинальнѣйшіе типы, вовсе не усту-
пающіе по яркости типамъ самого Гого-
ля. Эта ужасная Зюзюшка-рестовщица,
(въ смягченномъ видѣ тотъ же типъ по-
вторяетъ авторомъ въ лицѣ Аркадиной,
въ «Чайкѣ»), этотъ добрый малый Паша
Лебедевъ, дающій другу изъ своихъ за-
вѣнчанныхъ денегъ значительную сумму,
чтобы уплатить по векселю женѣ, съ-
дающей его поддомъ, наконецъ, этотъ
картежникъ, акцизный чиновникъ, ничего
кромѣ шлема безъ козырей не постигаю-
щій въ жизни, этотъ разрушенный
жизнью унылый и зломысливый графъ, вно-
запно, при видѣ влюбленнаго, плачущій
о погибшей загубленной имъ же жидо-
вочкѣ, и, наконецъ, типичнѣйшій пред-
ставитель безсмысленной честиости
Львовъ, конечно, принадлежать къ пре-
восходнѣйшимъ изображеніямъ вашей
богатой реальными картинками литерату-
ры. Хорошъ и «душа общества», внукъ
Ноздрева--Боркинь, хороша бобелица-
Бабакина, и даже Гаврила лакей--и тотъ
прекрасенъ въ смыслѣ типичной фигуры,
данной намъ авторомъ!

Тѣмъ не менѣе перечитавъ въ печати
драматическія произведенія А. П. Чехо-
ва, и вздохнувъ безъ облегченія сердца.
Въ самомъ дѣлѣ.

Когда нибудь, когда ужъ будетъ поздно,
когда и авторъ «Иванова», «Чайки» и Дяди
Иванъ, и я, его хвалитель, будемъ въ
мірѣ, гдѣ не должно и не можетъ быть
ни героевъ, ни жертвъ геройства, внуки
и правнуки наши отроуютъ произведенія
Чехова и изумятся нашей слѣпотѣ. По-
всюду идутъ рѣчи о необходимости ре-
пертуара для серьезнаго театра, слышамъ
восторженныя рѣчи о пользѣ большихъ
и малыхъ субсидій благотѣлять-антре-
пренерамъ образцовыхъ сценъ, в народ-
ныхъ театрахъ, лицензірные вздохи о
необходимости достойнаго для всего этого ре-
пертуара... а въ заключеніе--проваль «Чай-
ки» и полное забвеніе «Иванова». Рядомъ
же колоссальный успѣхъ «Медвѣдя», «Пред-
ложенія» и «Калхаса» того же автора!..

Почему это? Потому-ли, что претен-
дующіе содержать на субсидіи образцо-
выя сцены, понимая толкъ въ итогахъ
субсидій, сами мало понимаютъ въ до-
стоинствѣ пьесъ, безъ указанія на то
учебниковъ, или просто потому, что въ
отношеніи сценическаго искусства воз-
никло и укрѣпилось мнѣніе, на много
градусовъ превышающее дѣйствительное
значеніе этого рода литературныхъ про-
изведеній и вообще художества, сравни-
тельно съ тѣмъ, что оно въ самомъ дѣлѣ
дать можетъ и на самомъ дѣлѣ даетъ?
Кто на это отвѣтитъ?

Хорошъ, господа, «Ивановъ» г. Чехова,
но потъ «Илюбенъ» у г-жи Неметти лучше!
А если такъ, то читайте «Иванова», а смо-
трите «Илюбенъ», и не печальтесь о томъ,
что вамъ потомокъ оскорбитъ вашу на-
вѣсть презрительными стихомъ.

Насивший горькомъ обманутаго сына
Надъ промотавшимъ отцемъ!

Н. Лодовскій.